

Алена МАРКОВА

Andrew Sloin, *The Jewish Revolution in Belorussia: Economy, Race, and Bolshevik Power* (Bloomington: Indiana University Press, 2017). 329 pp. Selected Bibliography. Index. ISBN: 978-0-253-02466-4.*

Монография “Еврейская революция в Белоруссии: Экономика, раса и власть большевиков”, вышедшая в издательстве Индианского университета в 2017 г., является дополненной и переработанной диссертацией историка Эндрю Слоина, защищенной в 2009 г. в Чикагском университете. Монография вышла в серии “Современный еврейский опыт” (*The Modern Jewish Experience*).

Временными рамками исследования служит межвоенный период белоруской советской истории. Конкретно, речь идет о периоде проведения новой экономической политики (НЭПа) 1920-х гг. и национальной политики коренизации. Исследование ограничено территорией Белорусской Советской Социалистической Республики (БССР), которая дважды расширялась в этот период (в 1924 и 1926 гг.). БССР отличалась многонациональностью, в том числе традиционно много-

численным еврейским населением. В республике действовали еврейские партии Бунд и Поалей Цион, насчитывающие множество политически активных членов.

Исследование Слоина ставит своей целью проследить развитие и провал национального проекта, который первоначально был направлен на установление и поддержку национального равноправия, а закончился возрождением этнической и даже расовой розни (Р. 4). Расу при этом автор понимает как социально сконструированную форму различия, создаваемую посредством риторических, законодательных, социальных и других практик (Р. 15). Корни этнического конфликта автор видит не только в провале национальной политики (по определению Терри Мартина – “политики позитивного действия”, в данном случае беларусизации), но также и в социальном напряжении, возникшем в результате экономического кризиса.

Основным ракурсом исследования Слоина является область политической экономии и, частично, социальной истории. Он уделяет основное внимание так называемым “нижним этажам” политической и экономической жизни в тогдашней республике (*ground-level perspective*) и анализирует

* This publication was supported by the Czech Science Foundation (GA ČR) – GAČR 18-18108S, Neo-Belarussianization Processes in Post-soviet Belarus in the National Independence Era (1990–1995) – Charles University, Faculty of Humanities, 2018.

деятельность местных кустарей, ремесленников, работников промышленных и перерабатывающих предприятий, членов еврейских секций (евсекций) коммунистической партии и т.д. (Рр. 4-5). Таким образом, книга прослеживает развитие “еврейского вопроса” в БССР через призму взаимосвязи экономических процессов и формирования идентичности (Р. 6).

Книга состоит из четырех разделов. Раздел I “Революция” посвящен политической радикализации еврейского населения в Беларуси в 1917–1921 гг. (Рр. 21-51). Экономическая функция евреев и их роль как проводников советской власти в БССР во время гражданской войны и НЭПа через призму “спекуляции” обсуждается в Разделе II “Капитал и труд” (Рр. 55-113). Тема межвоенных культурных и экономических преобразований в среде белорусских евреев является центральной для Раздела III “Политическая культура и национальность” (Рр. 115-177). Наконец, Раздел IV “Политика кризиса” рассматривает проявления антисемитизма, советскую борьбу с ним и экономический кризис периода свертывания НЭПа в ходе “Великого перелома” конца 1920-х годов (Рр. 181-237).

Основной целью данной рецензии является не пересказ фактографического материала, собранного автором книги, а об-

суждение наиболее проблемных и дискуссионных ее аспектов.

Прежде всего, вызывает вопросы выбор Слоином русифицированного написания названия республики – “Belorussia” или “Soviet Republic of Belorussia” (обращающее на себя внимание уже в заглавии книги). Учитывая общепринятый характер написания “Belarus / Belarusian” в современных англоязычных текстах, этот, казалось бы, технический аспект воспринимается как результат осознанного политического выбора. Настойчивое использование термина “White Russia” (Белая Русь) для обозначения современной территории БССР / ССРБ (Рр. 4, 7, 8, 50 и др.) лишь укрепляет это предположение. Казалось бы, объяснение этого выбора должно содержаться в специальном вступительном разделе “Примечания о транслитерации, переводе и именах”. Однако лишь в одном из примечаний к первой главе первого раздела “Превращение евреев в большевиков” Слоин упоминает, наконец, что считает термин “Белая Русь” наиболее точно подходящим для обозначения белорусских земель в границах БССР (Р. 23). С позиции сегодняшних постсоветских исследований, научных дискуссий о преодолении советского имперского и колониального прошлого, а также с точки зрения белорусской национальной

истории этот выбор неизбежно прочитывается однозначно – независимо от интенций автора. Его подход воспроизводит троп “триединой русской нации” – продукт русского национализма, отказывающего в существовании самостоятельным украинской и белорусских нациям. Именно этой цели служила теория (нео)западнорусизма, рассматривающая белорусов всего лишь как западную часть “большой русской нации”.

Одним из наиболее дискуссионных аспектов книги представляется интерпретация Слоином национальной политики беларусизации в межвоенной БССР (как местном воплощении принципа коренизации), затронувшей так или иначе все национальности республики. (Этот вопрос освещается, главным образом, в третьем разделе книги). Исходным тезисом Слоина является утверждение о том, что “продвижение еврейской национальности” вступало в прямой конфликт с политикой коренизации, предполагавшей культурное, социальное и политическое развитие титульных национальностей, в данном случае белорусов (Р. 154). Таким образом, коренизация в БССР становилась синонимом беларусизации, которая заключалась в “просвещении” титульной национальности, а

также способствовала ликвидации мультилингвизма, который существовал первоначально в республике (Р. 154). Напомню, что принцип равноправия четырех государственных языков (русского, польского, белоруского и идиш) был принят в момент в “Декларации о независимости БССР” от 31 июля 1920 г. Этот принцип был подтвержден Конституцией БССР 1927 г.

Свидетельством привилегированного положения белорусского языка автор считает, например, перевод официальной документации делопроизводства на русский и белорусский языки, а также переход официального печатного органа белорусской компартии (КП(б)Б), газеты “Звезда”, на белорусский (Рр. 154-155). Языковой аспект коренизации как беларусизации Слоин называет “чрезмерной” (*excessive*) (Р. 171) и “агрессивной” (“*agressive policy of linguistic Belorussianization*”) (Р. 168). Здесь необходимо пояснить, что лингвистическая беларусизация заключалась, прежде всего, в разработке и “интеллектуализации” языка,² продвижении его в публичном дискурсе, развитии науки на белорусском.

В качестве иллюстрации агрессивной беларусизации автор

² Под “интеллектуализацией” здесь понимаются процессы развития языка – разработка научной и специальной терминологии на национальном языке, создание на нем произведений художественной литературы и т.д.

приводит пример увольнения работников-евреев (Р. 171). Необходимо отметить, что главной причиной снятия с должности государственных служащих было несоблюдение ими требования знания государственного (в данном случае, белорусского) языка. Это требование выдвигалось в соответствии с основополагающей резолюцией “О практических мероприятиях по осуществлению национальной политики”, принятой на пленуме ЦК БССР в 1924 г.³ В соответствии с резолюцией устанавливались определенные сроки изучения языка, государственным служащим в обязательном порядке предлагались языковые курсы по его изучению. По итогам этой деятельности Национальной комиссией ЦИК КП(б)Б проводились регулярные проверки знания государственного языка. Проверки на знание государственного языка касались исключительно так называемых “работников интеллектуального труда”, т.е. государственных служащих, заводских специалистов и пр. От проверок были освобождены работники, занятые

на предприятиях и учреждениях физическим трудом. Санкции за незнание государственного языка при этом варьировались от предупреждения, выговора, товарищеского суда вплоть до увольнения, к которому инспекторы прибегали чрезвычайно редко и только по отношению к тем работникам, которые сознательно по той или иной причине неоднократно отказывались от изучения государственного (беларуского) языка. Из-за частого недостатка квалифицированных кадров на предприятиях инспекторы нередко сознательно занижали требования к уровню владения языком специалистами.⁴ О том, что увольнение в качестве крайней санкции за незнание языка применялось редко, свидетельствует тот факт, что по итогам проведения проверки районных и областных организаций в 1927 г. по всей республике было снято с должности всего 27 служащих с формулировкой “за настойчивое нежелание изучать беларуский язык и враждебное отношение к беларусизации”.⁵ Евреев среди них, как правило, было немного.

³ Практичныя мерапрыемствы агульнага характару па правядзенню нацыянальнай палітыкі. Рэзолюцыя пленуму ЦК КП(б)Б. Ліпень 1924 г. // Пастановы і рэзолюцыі УсеКП(б) і КП(б)Б па нацыянальным пытанні. Менск, 1926. С. 40-41.

⁴ Более подробно см. Алена Маркава. Шлях да савецкай нацыі. Палітыка беларусізацыі (1924–1929). Мінск, 2016. С. 217-218; Alena Marková. Sovětská bělorusizace jako cesta k národu: iluze nebo realita? Praha, 2012. S. 144.

⁵ Іна Каляда. Беларусізацыя: шляхі і метады ажыццяўлення. Тэксты лекцый па дысцыпліне “Гісторыя і культура Беларусі” для студэнтаў I курса ўсіх спецыяльнасцей. Мінск, 1997. С. 7.

При описании свертывания национальной политики (включая беларусизацию) Слоин ограничивается воспроизводством полемики Терри Мартина и Фрэнсин Херш. Как известно, Мартин видит причины отхода от политики “позитивного действия” в форсированном наступлении сталинской индустриализации и коллективизации, в то время как Херш видит в этом проявление долгосрочной стратегии большевиков по развитию социализма, а не продвижению наций (Рр. 156-157).⁶ Тем не менее, Слоин указывает на фундаментальное совпадение Мартина и Херш по ключевым пунктам, таким как периодизация коренизации, и указывает на свое расхождение с ними. Так, он делает вывод о том, что поворот от политики коренизации начался уже в 1926 г., с антибундовской кампанией в БССР (Р. 158). Этот вывод мне представляется недостаточно обоснованным. Разгромная критика беларусизации прозвучала от председателя Центральной контрольной комиссии ВКП(б) В. Затонского по итогам общесоюзной проверки хода проведения национальной политики в мае-июне 1929 г.

Автора рецензируемой книги можно упрекнуть в недостаточ-

ном владении современной историографии по истории Беларуси этого периода. Речь идет как об англоязычных, так и, прежде всего, беларуско- и русскоязычных работах, так или иначе касающихся проблематики социальной, национальной и экономической трансформации Беларуси первой трети XX в. (исследованиях А. Замойского, А. Г. Кохановского, П. А. Рудлинга и др.).

За бортом научного анализа Слоина остался такой сюжет, непосредственно связанный со структурными преобразованиями традиционного еврейского общества в городах и штетлах в 1920-е гг., как “аграризация” традиционного штетла, целенаправленно проводившаяся советской властью в рамках национальной политики. Создание еврейских колхозов в целях снижения социального напряжения в штетлах было существенной составляющей НЭПа, изучению которого Слоин посвящает второй раздел монографии. “Аграризация” являлась частью политики ликвидации безработицы и традиционного уклада жизни еврейского населения. По данным беларуского историка А. Замойского, по итогам предварительной регистрации количество желающих заняться сельскохозяйственным трудом

⁶ Подробнее см. полемику в оригинале Francine Hirsch. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca, 2005. Pp. 8-9, 103-104.

среди еврейского населения составило в 1925 г. свыше 34 тысяч человек, или 8% всего еврейского населения. А согласно официальным подсчетам, количество таких еврейских колхозов наконец составило в 1929 г. 25% всех колхозов БССР.⁷

Помимо концептуальных замечаний, к сожалению, нельзя не отметить ряд фактографических ошибок. Например, имя классика белорусской литературы Якуба Коласа автор указывает в редкой для англоязычной литературы транслитерации “Yakob” (Якоб), отличающейся от стандарта Библиотеки Конгресса (принятого в книге за ориентир) – “Yakub” (Рр. 155, 239). Комиссара народного просвещения БССР Всеволода Игнатовского, занимавшего эту должность с 1920 по 1926 гг., автор считает наркомом сельского хозяйства (Р. 161). Наконец, датой образования СССР Эндрю Слоин считает апрель 1924 г. (вместо декабря 1922 г.) (Р. 154).

В целом, монография Э. Слоина является ценным дополнением библиотеки Jewish Studies, но именно белорусский контекст “еврейской революции”, которой посвящена книга, остается недостаточно адекватно продуманным и проработанным.

⁷ Андрей Замойский. Трансформация местечек советской Белоруссии. 1918–1939. Минск, 2013. С. 187-188.